

Андреева Наталья Сергеевна

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
Государственного аграрного университета
Северного Зауралья

КРАСОТА КАК СИМВОЛ БЕССМЕРТИЯ

Аннотация:

В статье рассматривается красота человека как способ выражения не только диалектических противоречий, но и социально-духовных парадоксов, имеющих сущностное основание. Показано, что бесконечность и универсальность как сущностные характеристики человека, универсальное единство человека со средой обитания и с Универсумом в целом находят способ своей символизации в красоте человека. В качестве методологической базы используется эстетико-антропологическая концепция интеллектогенеза.

Ключевые слова:

эстетическая антропология, красота человека, жизнь, символическое бессмертие, парадокс, человеческая сущность, бесконечность, антропогенез.

Andreyeva Natalya Sergeevna

PhD in Philosophy,
Assistant Professor, Philosophy Department,
State Agrarian University of
the Northern Trans-Ural Region

BEAUTY AS A SYMBOL OF IMMORTALITY

Summary:

The article describes the beauty of a human being as a way to express not only dialectical contradictions, but also social and spiritual paradoxes, that have an essential basis. It is shown that infinity and universality as essential characteristics of human being, the universal unity of a person with environment and the Universe as a whole find the way of its symbolization in the human beauty. The aesthetic and anthropological conception of the intellectual genesis is used as the methodological basis.

Keywords:

aesthetic anthropology, human beauty, life, symbolic immortality, paradox, human nature, infinity, anthropogenesis.

«А поди-ка из живого сделай еще более живое!..» [1, с. 562]

Красота, амбивалентная во многих своих аспектах, на протяжении веков выступает органичным способом выражения, синтеза противоречий человеческой природы. Являясь метафорическим основанием устремленности человечества в беспредельную перспективу времени и пространства, красота может определяться как бесконечность живого, как «вечность, делящаяся мгновением» (А. Камю).

Красота человека интересует нас в ее способности быть обобщением человеческих сущностных характеристик, воплощением *живого*, субъектного, духовно-социального начала человеческой сущности. Парадоксальность человеческой красоты заключается в символизации не только брэнности преходящей материи, но и человеческого бессмертия.

Человеческая красота и заключенный в ней символически-образный выразительный потенциал в антропогенезе явились эстетическим способом выражения и визуализации как биологических, так и духовно-социальных сущностных человеческих характеристик в их развитии и становлении. Красота как основа художественного опыта предстает способом обобщения разнообразных форм человеческого общения, способом «собирания» человека в его индивидуальном и родовом многообразии до общечеловеческого единства и целостности, мерой человеческого в человеке. Такие эстетико-антропологические категории, как «выразительность», «олицетворение», «фигуративность», обобщают потенциал онтологизации, актуализации человеческой сущности, заключенный в красоте человека.

К потенциальным атрибутам человеческой сущности можно отнести ее универсальность, бесконечность, обособление (индивидуализацию) и идентичность (генерализацию, социальность): человек автономен (самобытен) и одновременно причастен к общественному целому [2]. Н.И. Непомнящая на основании анализа философских, в том числе философско-богословских, подходов, а также результатов теоретико-психологического анализа и эмпирических исследований обобщает человеческие *специфические*, или *сущностные свойства*. Первое свойство – потенциальная *универсальность* (всеобщность), которая, в частности, была определена К. Марксом как потенциальная эквивалентность человека природе в целом. Потенциальная *бесконечность* (или *неконечность*) человека – это свойство, позволяющее выходить за пределы данного и известного, в том числе и за пределы самого себя, способность творить, создавать новое. Потенциальная способность *отождествления* себя с другими присуща человеку наряду со способностью *обособления своего «я»*, себя [3, с. 119–120].

Данные сущностные (т. е. главные, определяющие) свойства «являются условием и одновременно выражением духовности, свободы, творческой способности человека, его стремления к совершенству. Они реализуют тождество человека и мира (универсальность), человека и бесконечной Вселенной (бесконечность), отождествление “я” с не-“я” и способность к обособлению как основание самости и свободы человека» [4, с. 120].

Таким образом, в категориях самоактуализации сущность человека обладает атрибутами универсальности и бесконечности. Универсальность означает единство с природой и обществом, бесконечность личности – это ее «бессмертие», осуществляющееся главным образом в природной и духовной жизни последующих поколений.

Смерть, конечность человека, носящая эмпирический характер, преодолеваются человечеством во множестве его культурных традиций. Бессмертие и бесконечность обеспечиваются в качестве символического бессмертия, идеи, объективируемой в символах, в надежде на будущую объективацию в эмпирическом или практическом опыте. Так, бесконечность индивида осуществляется в продолжении биологического рода: символизируясь в потомстве, идея бессмертия онтологизируется в неугасании генетических свойств человека. Более того, символизирует и утверждает бессмертие образ рода, племени, в котором через кровные узы растворяется отдельный человек. Человек обретает бессмертие как бессмертие общности, отождествляя себя с племенем, родом, кланом – в надежде на бессмертие социальной среды.

Однако символическое бессмертие выражает также и стремление субъекта сохранить собственную *уникальность*, энергию жизни, волю и творческий потенциал. Творческие деяния являются традиционным символом бесконечности, увековечивания индивидуальной жизни. Подчеркнем, что особое значение принимает именно личностное бессмертие, бесконечность субъекта.

Жизнь, сущность которой не исчерпывается только биологическим содержанием, воспринимается при этом как высшая ценность, как основание для стремления человечества продлить собственное бытие. Л.Н. Толстой говорит о понятии жизни: «...Если уже искать ее, то... не в пространстве, не во времени, не как следствие и причину, а как что-то такое, *что* я в себе знаю... совершенно независимо от пространства, времени и причины» [5, с. 57]. Как что-то, связанное с Вечностью.

В философской антропологической традиции категория «жизнь» определяет человеческое сущностное бытие. Представляя «жизнь» фигурально, отходя от ее витальной буквальности, «живое бытие» символизирует человеческую сущность в ее духовно-социальных аспектах, определяющих человеческое сущностное развитие, «антропологизацию как онтологизацию именно человеческого» [6, с. 14], составляющие предмет исследования философского направления «эстетическая антропология».

По наблюдению Э.М. Спировой, в традиции «философии жизни» базовое понятие «жизнь», определяемое как «абсолютная, бесконечная, динамичная первооснова мира» [7, с. 112], постижение которой происходит в интуитивном сопереживании, не обнаруживает «активной субъектности», «начала философской рефлексии», «архетипических проявлений жизни во всей ее подробности и беспредельности» [8, с. 110–111]. Однако уже в работах М.М. Бахтина («К философии поступка») духовный опыт человечества, мир человеческих отношений в своих архетипических проявлениях служит началом саморефлексии субъекта, предполагающей «внеаходящегося, другого субъекта вживания» [9, с. 111].

Одна из культурных версий бессмертия основана на символах вечности и сохранности природы, окружающего биологического мира. У В.В. Розанова, например, бессмертие символизируется в неразрывной связи человека со всем бытием. «*Воскреснуть* – это как бы в секунде бытия хлебнуть столько жизни, почерпнуть такую глубь бытия, засверкать таким сверканием душевности, оживления, напряжения всех его способностей, что годы и века тягучей жизни “так себе” не могут пойти с этим в сравнение» [10, с. 361]. Условием бесконечности человека выступает здесь бесконечность среды его обитания. Бытие – это жизнь и «оживление» в миге бытия, в тех формах бытия, которые существенны для человека. В этом случае субъект не растворен в роде, племени, общине. Субъект в символическом плане достигает личностного бессмертия; это личностное бессмертие греет и оживляет, связывая с общечеловеческой бессмертной судьбой в плане Универсума, тождественности с природой, с инфинитизмом среды – залогом живого и бесконечного бытия личности.

Инфинитизм, бесконечность человечества, человеческого бытия и самопознания, является следствием неразрушительного самопознания амбивалентной собственной человеческой сущности. Восприятие красоты является познавательной способностью такого рода, способом самоуглубления, неразрушительного для разума.

Присутствие красоты в любом предмете устанавливается не логическим, но лишь непосредственным и чувственным, эмоциональным путем. Чувство красоты – это род непосредственного восприятия мира; оно универсально, соотносится со всевозможными объектами и имеет как

субъективные, так и объективные основания. Согласно И. Канту, в субъективной эстетической оценке, в художественной интуиции, в той ценностной эмоции, которая есть чувство прекрасного, человек способен выявить нечто всеобщее без посредства понятий. В «Критике способности суждения» свободная игра познавательных способностей – воображения, разума и воли, или чувство красоты артикулируется как третья и промежуточная или связующая способность наряду со способностями познавательной и целеполагающей, или разумной и волевой. «Формула философии И. Канта», по словам А.В. Гулыги, это «истина, добро и красота, замкнутые на культурном творчестве человека, которое направляет художественная интуиция» [11, с. 85–93].

В сфере красоты как области непосредственного восприятия «работают» субъективные суждения. Несмотря на то, что цветок – это типичный пример прекрасной вещи, на основании причастности к типичному нельзя вынести суждения вкуса. Необходимо убеждение, что прекрасен именно этот конкретный цветок, и это убеждение или побуждение к суждению вкуса не основывается на нормах и типологиях, а есть продукт исключительно нашего ощущения. Между тем, описывая механизм эстетического познания, эстетического суждения как истинного суждения, И. Кант приводит обоснование всеобщности данного суждения. Суждения вкуса являются всеобщими, истинными, обусловленными воспитанием вкуса, однако порождаемыми индивидуальным и спонтанным наслаждением единичным и конкретным предметом. В третьей критике прекрасное выступает основанием для надежды. На что я могу надеяться? Что мои цели не чужды совершенно целям этого мира. Красота определена посредством категории «бесцельной целесообразности», роднящей творения природы и творения человека.

Красота служит мерой единства природного и социального, материального и духовного. Всеобщее находит свое выражение в красоте индивидуального. Эстетическая форма выражает в единичном общее, в феноменальном – сущностное, в материальном – идеальное. Весьма распространенные определения красоты человека как феномена эволюционной целесообразности исходят из присутствия или проявления общечеловеческого и сущностного в индивидуальном феномене, поскольку в нем наличествует красота – целесообразность внешней и внутренней формы и строения, присутствие в индивиде свойств и качеств родовой и общечеловеческой природной или социальной нормы.

Красота человека – следствие восприятия правильных пропорций, связанных с биологической, естественной целесообразностью, оцениваемой эстетически позитивно. Этого взгляда придерживался выдающийся российский писатель-фантаст И.А. Ефремов: «В каждой расе в древности была своя отточенность, своя мера прекрасного» [12, с. 125]. Красота человека как восприятие физиологической целесообразности строения человеческого тела, или «природная красота» обобщает родовую сущность человека, имеет общие (родовые, общечеловеческие) нормативные характеристики.

Однако с незапамятных времен человеческой истории к красоте человека добавляется «искусственная» характеристика – выразительность и изобразительность. Такие феномены, как выражение и изображение, наблюдаются в живой природе. Как феномены человеческой деятельности и культуры выражение и изображение достигают максимальной инвариантности, многоликости, духовно-социальной значимости. Лицо и фигура человека, в отличие от «тела», несут духовно-социальную информацию, их красоту создают выразительные действия, мимика, жест, движение: «Духовно-социальные детерминанты, встраиваясь во внешний, видимый облик человека, формируют и обуславливают восприятие человеческой красоты» [13, с. 46].

Объективным основанием красоты человека выступает духовная и социальная целесообразность, проявившаяся в выразительных и изобразительных жестах. К примеру, один из величайших русских литераторов XIX в. Н.Г. Чернышевский «высшей красотой» называет красоту характера, которую можно заметить в чертах лица и поступках [14, с. 104].

Выразительный принцип как основание красоты выходит за границы художественной образности, наполняя образностью и символичностью повседневную жизнь людей за пределами искусства. Непреднамеренность – сама сущность выразительности, проявляющая диалектическое единство спонтанности и активности в красоте человека.

Обратимся вновь к Н.Г. Чернышевскому. В своем произведении «Эстетические отношения искусства к действительности» автор размышляет о сущности всего прекрасного в природе и живой действительности – непреднамеренности: «На нас чрезвычайно неприятно действует, если мы замечаем в сфере реального прекрасного какой бы то ни было преднамеренный расчет именно на красоту. Аффектация красоты в действительно существующем – совершенная противоположность истинной грации... в сознательной сфере прекрасное исчезает в ту минуту, как узнает о своей красоте, начинает любоваться на нее» [15].

Существующие в общественном сознании представления о красоте развивались и обогащались художественным творчеством, искусством, самой жизнью. При этом красота человека

каждый раз представляла в парадоксальном соединении несоединимых сил, диалектика которых была неразрешима и непостижима современными средствами.

Парадоксальность коренится в неочевидном логическом противоречии, очевидные факты не находят в ней логического объяснения, однако противоречие ощущается со всей очевидностью факта. Парадокс предстает перед нами как попытка самой социальности соединить полярные силы, и столкновение с ним вызывает крайнее изумление или, по крайней мере, удивление – в зависимости от впечатлительности и восприимчивости воспринимающей природы. Социальность рождает и «гениев восприятия», поэтов и художников, воспевших и запечатлевших неочевидную диалектичность полярных сил, противоречий индивидуального и социального, физического и духовного, конечного и бесконечного.

Основанием бесконечного развития и становления человечества служит толерантность к глубинам человеческой сущности, к непознанному и шокирующему в ней, к ее ценностной амбивалентности. Согласно выводам эстетической антропологии, в художественной и эстетической практике, обусловленной ценностными эмоциями, эстетическими оценками, суждениями вкуса, продуцируемыми красотой, человек способен «познать собственную сущность в развитии, ту сущность, которая в прямом схватывании “хирургически” устроенным разумом будет либо умерщвлена, либо просто поразит тебя своей неказистостью» [16, с. 228]. В человеческом восприятии красоты присутствует момент самообнаружения сущностных начал в их парадоксальности. Обнажается в красоте и факт ускользания, скрытости долгосрочной перспективы человека от логики целеполагания, носящий характер социального парадокса.

Красота человека становится символическим и эвристическим средством в решении парадоксальной проблемы «ступора» перед лицом долгосрочных перспектив и целей, проблемы «коллапса перед вечностью», в прикладном аспекте оборачивающейся парадоксами экологической проблематики. В красоте наличествует целесообразность как ее онтологическое основание. Непреднамеренная выразительность красоты «схватывает» человеческую сущность как целостное единство, обуславливая гносеологический потенциал эстетических суждений; примат духовного выражения и изображения соотносится с эстетической традицией, с развитием восприятия красоты человека в культуре и искусстве. Постигание диалектичности, парадоксальности, амбивалентности и незавершенности человеческой сущности в его красоте является условием познавательного инфинитизма, залогом бесконечного развития и становления, актуализации потенциального бессмертия человека.

Ссылки:

1. Шварц Е.Л. Обыкновенное чудо. М., 2008. 640 с.
2. Непомнящая Н.И. Целостно-личностный подход к изучению человека // Вопросы психологии. 2005. № 1. С. 116–125.
3. Там же. С. 119–120.
4. Там же. С. 120.
5. Толстой Л.Н. Исповедь // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 т. Т. 23. М., 1957. 581 с.
6. Эстетико-антропологическое бытие социума : коллектив. моногр. / под ред. М.Н. Щербинина. Тюмень, 2010. 217 с.
7. Спирова Э.М. Образ человека в концепции диалога М.М. Бахтина // Вестник Российского философского общества. 2007. № 2. С. 105–112.
8. Там же. С. 110–111.
9. Там же. С. 111.
10. Розанов В.В. Вечная тема // Розанов В.В. Собрание сочинений. Во дворе язычников. М., 1999. 463 с.
11. Гулыга А.В. Немецкая классическая философия. М., 2001. 416 с.
12. Ефремов И.А. Час быка. Свердловск, 1989. 448 с.
13. Щербинин М.Н., Андреева Н.С. Эстетико-антропологическая интерпретация выразительного потенциала человеческой красоты // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2014. № 25 (354). Вып. 35. С. 45–49.
14. Чернышевский Н.Г. Эстетические отношения искусства к действительности // Чернышевский Н.Г. Сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1986. С. 71–204.
15. Там же. С. 104.
16. Щербинин М.Н., Андреева Н.С. Эстетическая антропология как фундамент образовательной практики // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2015. № 3 (3). С. 225–232.

References:

- Chernyshevsky, NG 1986, *The Aesthetic Relations of Art to Reality*, Chernyshevskiy N.G. Sochineniya, in 2 vols., vol. 1, Moscow, pp. 71-204, (in Russian).
- Efremov, IA 1989, *Hour of the bull*, Sverdlovsk, p. 448, (in Russian).
- Guliga, AV 2001, *German classical philosophy*, Moscow, p. 416, (in Russian).
- Непомнящая Н.И. 2005, 'Integrity, personal approach to the study of human psychology', *Voprosy psikhologii*, no. 1, pp. 116-125, (in Russian).
- Rozanov, VV 1999, 'The eternal theme', *Rozanov V.V. Sobraniye sochineniy. Vo dvore yazychnikov*, Moscow, p. 463, (in Russian).

- Shcherbinin, MN (ed.) 2010, *Aesthetic-anthropological existence of society*: monograph, Tyumen, p. 217, (in Russian).
- Shcherbinin, MN & Andreeva, NS 2014, 'Aesthetic-anthropological interpretation of the expressive potential of the human beauty', *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya*, no. 25 (354), vol. 35, pp. 45-49, (in Russian).
- Shcherbinin, MN & Andreeva, NS 2015, 'Aesthetic anthropology as a foundation for educational practice', *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya. Humanitates*, no. 3 (3), pp. 225-232, (in Russian).
- Schwartz, EL 2008, *Ordinary Miracle*, Moscow, p. 640, (in Russian).
- Spirova, EM 2007, 'Man in the concept of dialogue MM Bakhtin', *Vestnik Rossiyskogo filosofskogo obshchestva*, no. 2, pp. 105-112, (in Russian).
- Tolstoy, LN 1957, 'Confession', *Tolstoy L.N. Polnoye sobraniye sochineniyin*, in 90 vols., vol. 23, Moscow, p. 581, (in Russian).